

Четыре года спуска

Сентябрь не баловал телепремьерами, да и те, что прошли, судя по почте, не очень взволновали зрителей. Л. Федорук из Перми, Г. Александров из Ленинграда, Л. Авдеева из Кирова, А. Баранкина из Таллина и другие читатели считают лучшей в сентябре роль В. Гафта в телефильме «Вознаграждение тысяча франков». «Он истинно телевизионный актер, — пишет А. Баранкина, — минимум внешних средств при еле уловимой динамике рисунка роли. В. Гафт отвечает главному требованию ТВ: самое интересное на малом экране — человек».

Было еще несколько предложений зрителей о премьерных ролях, но целый поток писем вызвала повторная демонстрация телефильма «Д'Артаньян и три мушкетера». Как и четыре года назад, мнения разделились.

«Повтор этого фильма явно вреден, потому что многие зрители, в особенности те, которые не читали романа, будут судить о нем по этой убогой стряпне», — пишут москвичи В. Иларионов и Е. Иларионова. Такую точку зрения поддерживают Н. Здобнова из Московской области, В. Файнштейн из Москвы, С. Леонова из Тулы и другие читатели. Но есть и другие мнения — многим зрителям фильм понравился тем, что они обнаружили в нем «иронию, юмор, игру», которые, как пишут студенты Новосибирского университета, «совсем в стиле Дюма». К их мнению присоединяются ленинградцы Л. Никитина, Л. Клименко, Р. Машенко, студенты Ярославского педагогического института, А. Краснов из Новокузнецка и другие читатели «Советской культуры». Все они просят устроить на страницах газеты встречу с Михаилом Боярским, исполните-

лем роли Д'Артаньяна, чтобы спросить, как он сам сейчас, четыре года спустя, оценивает фильм и роль.

— Вполне доброжелательно, — ответил М. Боярский, которого ваш корреспондент перехватил на полпути из Ленинграда в павильоны Останкино. — Честно говоря, я сейчас впервые посмотрел наших «Мушкетеров» целиком. Раньше слышал, что у фильма есть друзья и враги, а теперь сам оказался в числе преданных друзей и буду спорить и сражаться (даже на шпагах) с теми, кому фильм не нравится. Потому что для меня «Д'Артаньян и три мушкетера» — это целый кусок жизни.

— Значит, роль Д'Артаньяна вы сами считаете удачной?

— Есть ли смысл говорить об удаче четырехлетней давности? Удача — это момент. А удачная роль — та, что сыграна лучше предыдущей. В искусстве, наверное, хорошо начинать двоичником — тогда даже четверка огромный скачок. А вот дальше эти степени роста достигаются куда труднее.

— Но уж фехтование и умение актеров держаться в седле — бесспорная удача «Мушкетеров».

— Не знаю, вероятно, здесь при помощи оператора удалось лучше обмануть зрителя. А может быть, опыт сказался? Я ведь с детства обожал лошадей. В конюшню, к сожалению, попадал только летом, на каникулах, потому что вырос в городе, за кулисами театра.

— Значит, родители были актерами и сценическая карьера предопределена?

— Нет, мама хотела, чтобы я был пианистом, и пришлось кончить специальную музыкальную школу при консерватории.

— Там и петь научились?

— Петь научиться нель-

зя. Это либо дано, либо — нет, как, впрочем, и способность жить в роли. Зачем актер учиться, изучает систему Станиславского? Затем, чтобы уметь свою внутреннюю музыку делать слышимой для всех. А вот если этой внутренней музыки нет — и учиться бесполезно. Можно и роль на зубок знать, и в седле прекрасно держаться, и фехтовать не хуже мастеров спорта — но если при слове «мотор» не включится то, что неподвластно никаким «наукам», то, как говорится, пиши пропало. Театр, кинематограф живы, пока живое чувство, пока зрители плачут и смеются, пока актер азартен и прыгает в роль, как в атаку.

— Вы отрицаете даже опыт?

— Нет, почему же. Опыт необходим, особенно в кино. Здесь нет ни времени, ни возможностей шаг за шагом преодолевать трудности, как бывает, когда репетируешь на сцене.

— Вероятно, театр, где на пути к финишу есть возможность вариантов и комбинаций, всегда по сравнению с кино выигрывает?

— Отнюдь. Театру, для того, чтобы выиграть у кино, нужна, во-первых, сильная, только на сцене возможная литература, а во-вторых, «звездная» труппа. У кинорежиссеров есть возможность эту труппу набрать — и в театре, вероятно, пора подумать о «сезонных» актерах.

— Если вы тоскуете о будущей серьезной драматургии, значит, вам чего-то сильно не хватает в нынешней?

— Увы, да. Героям современных пьес, по моему, не хватает нормальных человеческих черт. Когда я в них не узнаю себя, своих недостатков, не нахожу своих проблем — тогда этих героев мне не за что любить, неинтересно играть.

— Вы любите телевидение?

— Во всяком случае в не любви к нему я никогда не признаюсь — кто же рубит сук, на котором сидит? В театре мне, например, реже предлагают роли «блестящих героев». В театре чаще так называемые характерные роли. Пьесы, конечно, серьезные — «Дульсинья Тобосская» В. Володина, «Станция» Н. Хикмета, «Кавказский меловой круг» В. Брехта. Но гусаром или мушкетером тоже побывать не вредно, по крайней мере для того, чтобы сыну моему в детском саду не сказали: мол, отец твой размазня какая-то. А потом, серьезно, когда телевизор дома выключен, будешь ты и дома никого нет.

— Ну, тогда еще серьезнее: что привлекает в искусстве телевидения?

— По-моему, это то единственное искусство, которому повторение не вредит. Вот видите, показали наш фильм второй раз — и снова смотрят. Я теперь, когда сижу на стадионе и вижу гол единожды и мельком — мне будто бы чего-то на футболе не дали. Телевидение, по-моему, научило нас смотреть и второй, и третий раз — и уточнять свои оценки, и с собой спорить. А потом, телевидение дало более свободного, раскованного зрителя. В театре даже если что и не понравится, как-то не принято нарушать тишину храма искусства. ТВ дает возможность взглянуть на искусство более иронично. Я, например, всегда спорю, вступаю в конфликт с тем, что показывают на телеэкране. Лично мне импонирует зритель, который не боится высказывать своих мнений. Может быть, мы, актеры, и живем только восторгом и страхом перед зрительскими лицами, даже если их не видим за телекамерой?

Е. ЧЕКАЛОВА.

ОБЩЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА